

Проект «Директора Магнитки. Личное дело» (12+), подготовленный редакцией газеты «ММ» при поддержке управления информации и общественных связей ПАО «ММК», приурочен ко дню рождения Магнитогорского металлургического комбината.

Продолжение.
Начало в № 10 от 9.02.2024

Яков Шмидт

Яков Павлович Шмидт

1930 г.

Яков Павлович Шмидт руководил строительством Магнитогорского завода всего полгода. На Урал он прибыл с комиссией, чтобы проверить состояние дел. После этой поездки получил назначение – возглавить стройку у Магнитной горы.

Настоящая фамилия Якова Шмидта – Гольдшмидт. Родился он в Одессе в 1897 году, в семье рабочих табачной фабрики. Первые годы его жизни прошли в крайней бедности. В пятнадцать лет, имея за плечами всего четыре класса образования, он поступил на работу в типографию – мальчиком. Весь заработок – шесть рублей – тратит на курсы рисования и черчения, параллельно учится в вечерней школе. В семнадцать лет поступает в художественное училище, а чтобы прокормиться, подрабатывает на стройках. Революцию Шмидт воспринимает как шанс изменить жизнь и с головой окунается в агитацию и революционную работу. Смену фамилии и даты рождения он объяснял требованиями конспирации, когда в 1918–1919 годах был отправлен на подпольную работу в Екатеринослав и Одессу. В двадцатых годах Шмидта, имеющего опыт партийной и оперативной работы, назначают на различные хозяйственные посты. Одним из них стало строительство металлургического гиганта у Магнитной горы, куда Шмидт был отправлен «наблюдать и отвечать».

У Якова Шмидта была привычка записывать всё, что происходило с ним в те или иные годы.

Свой «магнитогорский дневник» он начал практически сразу как выехал из Москвы: «От Свердловска до Магнитки продвигались со скоростью пять километров в час, затратив на 600 километров почти трое суток. На каждом полустанке поезд простаивал часами в ожидании воды, топлива, паровоза. На станции Карталы – до Магнитогорска оставалось всего 145 километров – поезд особенно долго ожидал отправления. Причина простоя заключалась в том, что начальник станции был участником художественной самодеятельности и давал в это время любительский спектакль перед жителями ближайшей деревни».

Магнитострой произвёл на московскую комиссию тягостное впечатление: бытовая неустроенность, нехватка техники и рабочей силы, жуткая текучка кадров. Оценки Шмидта и его команды были точны и безжалостны. Как, впрочем, и главный вывод: первый год стройки завершился провалом! Именно Шмидт первый заговорил о том, что необходимо отказаться от хозяйственного способа ведения работ, предложенного когда-то Зеленцовым. Он предлагал освободить управление строительства от несвойственных ему функций, а «специ-

*Директора
Магнитки*

Выпуск № 2

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Я. П. Шмидт на митинге, 1930 г.

альные строительные работы поручить специальным строительным трестам и организациям». Кроме того, он настаивал на перенесении управления Магнитостроя из Свердловска в Магнитку. Многие его замечания были осмыслены и учтены. Хотя и не сразу. Например, разделение ММК и треста «Магнитострой» произошло только в 1936 году.

Сталин высоко оценил работу Якова Шмидта и уже через некоторое время предложил отправить его обратно на Магнитострой в качестве начальника. «Предчувствую, – писал Шмидт в своём дневнике, – сколько ещё волнений принесёт этот участок Магнитки». Под «этим участком» Шмидт подразумевал скрытых врагов на-

рода. Ещё по предыдущей поездке у него сложилось мнение, что на Магнитострое их немало. Иначе чем объяснить столь плачевные результаты первого года стройки? Талантливый горного инженера Виталия Гассельблата Шмидт объявил «активным вредителем Магнитки»: «Гассельблат всячески боролся против успешности стройки и металлургов в окружение подобрал, соответственно, тоже из бывших и настоящих вредителей. Всё это постоянно заставляет быть начеку».

Несмотря на многочисленные трудности, коллектив строителей продолжал вести решительную борьбу за пуск завода в установленные правительством сроки. Первая победа была одержана в 1930 году, когда

за 75 дней в невероятно трудных условиях была возведена километровая железобетонная плотина, 73 дня в условиях суровой уральской зимы 1931 года продолжалось сооружение флютбета. Эти два невиданных по своему масштабу и темпам штурма показали, на что способны магнитогорцы. Ведь для того, чтобы построить плотину, потребовалось вынуть и переместить 160000 кубических метров земли и скального грунта, забить свыше двух с половиной тысяч погонных метров деревянного и металлического шпунта, смонтировать свыше 500 тысяч тонн арматуры, уложить около 50 тысяч кубометров бетона, проложить десятки километров различных труб. Все эти работы выполнялись вручную с помощью лома, кирки, лопаты и тачки. Вслед за плотиной 15 мая 1931 года вступил в эксплуатацию рудник горы Магнитной. С начала 1931 года широко развернулись работы по сооружению двух доменных печей, коксовых батарей, электростанции, паровозоудовки, ряда вспомогательных цехов.

Но Шмидт умел видеть и хорошее тоже. «На самый важный объект назначили прибывшего из Москвы инженера Степанова – боевого, энергичного производственника. Он сумел прекрасно организовать работы на плотине, вписал одну из самых красивых страниц в историю строительства», – описывал Шмидт эпопею строительства первой плотины.

Он обладал способностью реально оценивать ход событий на стройке, умел мобилизовать людей на штурм отдельных объектов, для чего устраивал многотысячные митинги, на которых любил выступать с длинными зажигательными речами. Шмидт продумывал операции «трудового наступления», как продумывают атаки на фронте. Он умело сочетал их с мирными приёмами: ударничеством, соцсоревнованием. Кроме того, он вёл ожесточённую борьбу с врагами стройки – казаками из окрестных деревень, так как был убеждён, что это они регулярно устраивают поджоги на стройке и пытаются отравить ударников. По его указанию о каждом случае вредительства стройку извещали гудки всех паровозов и мощные сирены электростанции. Возможно, такие случаи имели место быть. Но чаще аварии и поджоги происходили из-за неподготовленности крестьян к индустриальному труду. Кроме того, рабочие рядом со своими жилищами, располагавшимися возле строящихся металлургических объектов, содержали домашний скот. Это вынудило президиум Магнитогорского горсовета принять «обязательное постановление», запрещающее разведение домашнего хозяйства в пределах промплощадки.

Чтобы сдвинуть стройку с мёртвой точки, Шмидт решил сосредоточить все людские силы и технику на возведении фундаментов под домны, плотины через Урал, коксового цеха, ЦЭС и других объектов. Пусть даже и в ущерб условиям жизни и быта рабочих.

Это вызвало бурю недовольства в трудовом коллективе. В одном из выпусков газеты «Магнитогорский рабочий» за 1930 год был опубликован фельетон под названием «Одна-одинёшенька», в котором описывалась история женщины, убивающей своих детей из-за того, что их отец-ударник всё время проводит на Магнитострое и не может уделять им внимание. Над фельетоном были помещены портреты двух детей, ведущих такой диалог:

– Что думает о нас «дядя Шмидт»?

– А почему ты вообще считаешь, что он о нас думает?

Вскоре руководство Шмидта стало критиковать и местное радио. Через шесть месяцев после назначения Яков Шмидт был освобождён от обязанностей начальника Магнитостроя, но освобождён с повышением. На какое-то время он становится членом президиума и членом коллегии Совета народного хозяйства, затем возглавляет главное управление торфяной промышленности. До этого назначения Шмидт продолжал существенно влиять на положение дел в Магнитогорске. Именно он отстаивал идею строительства Соцгорода рядом с проходной завода, был инициатором создания «американских» прудов, то есть заводской системы водного снабжения.

10 августа 1937 года Яков Шмидт был арестован как участник троцкистской организации. 26 октября того же года военная коллегия Верховного суда СССР признала его виновным в том, что он проводил «вредительские акты в торфяной промышленности». Сразу по нескольким пунктам 58-й статьи он был приговорён к расстрелу и расстрелян в тот же день.

Елена Брызгалина

Продолжение следует.

Баня на пятом участке, 1930 г.

